

ОРАС ВЕРНЕ

При дворе Николая I: Письма из Петербурга. 1842–1843

<Фрагменты>

X

Сего 13 июля [1842 г.]

Сегодня знаменитый петергофский праздник¹, но дождь льет потоками. Была обедня, целование руки и проч.

Сего 13-го, вечером

Праздники кончились.

Воистину нет ничего более необычного, чем сие смешение народа с большими вельможами, рабов с королями, когда все это растекается по дворцовым залам. Русский по своей природе дурно пахнет, и ты можешь представить себе, что это такое во время жары. Вот если бы твой бедный носик оказался здесь!

Прощай, милый друг, тысяча нежностей для тебя и наших детей.

Я собираюсь начать работать в конце этой недели.

XI

Санкт-Петербург, после 20 августа 1842 г.

Итак, я снова в этом большом неустроенном городе. Император принял меня все с той же сердечностью, но разговор был короткий. Он спросил о королевской фамилии, интерес к которой у него не

охладился, однако я не счел уместным пускаться в дальнейшие объяснения при князе Волконском², отложив оные до ближайших дней. К сожалению, у меня не будет столь же удобной оказии, как сегодня, чтобы все рассказать тебе. Но что делать?

В первых числах сентября я отправляюсь вместе с императором в путешествие по стране на семь недель³, в течение которых надобно проехать тысячу пятьсот лье*. Самые длинные переезды займут по сорок восемь часов, и у нас будет двенадцать остановок. Как видишь, мы не слишком сильно утрудим себя. Всего едут пять персон: сам император, генералы Орлов⁴, Адлерберг⁵, Ушаков⁶ и я. Общество самое избранное. О маршруте сказать пока нечего, это остается тайной. Но если судить по числу разосланных во все стороны адъютантов, дела предстоят нешуточные. Я буду лишен удовольствия уведомлять тебя обо всем, поскольку <...>** Но, самое главное, ты всегда будешь знать о моем здравии. Пошли одно письмо в Варшаву, а потом, как обычно, в Санкт-Петербург.

Я застал всю императорскую фамилию в болезнях. Мое столь быстрое возвращение вызвало здесь немалое удивление. Обращенные ко мне в обществе вопросы показывают беспокойство о будущем этой страны. За последнее время в администрации и армии случились ужасающие убийства. Несколько дней назад один чиновник застрелил товарища министра финансов князя Гагарина⁷. Преступника осудили на шесть тысяч шпичрутенов, но он умер после тысячи двухсот. Теперь обнаружилось, что его вынуждали признаться в хищениях, совершившихся на самом деле важными персонами. Сей случай возбудил изрядное волнение в среднем классе, у которого нет ни суда, ни защиты против тирании вельмож.

<...> Предстоящее путешествие весьма для меня интересно. Шесть недель я буду неотступно, буквально каждую минуту, при Великом Человеке, и конечно, не обойдется без частых и продолжительных разговоров, в том числе и о сближении России и Франции. Общественное мнение вполне к этому готово. Остается только убедить императора в том, что его дальнейшее сопротивление будет воспринято всем светом как простое упрямство. Сказанное

* Лье — старинная французская мера расстояния, равная 4,5 км. — *Прим. перев.*

** Пропуск во французской публикации. — *Прим. перев.*

королем (хоть я и остерегусь передавать все без исключения) дает надежду на успех.

Императорская фамилия переехала из Петергофа в Царское Село. Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы провести три дня в городе и купить кое-что из необходимого для путешествия: кожаные подушки, футляры для эскизных альбомов и т. п. Но уже сегодня вечером император спрашивал, не заболел ли я и приеду ли завтра. Мне это отнюдь не неприятно, значит, я ему нужен.

Запечатываю письмо при пушечных выстрелах в честь дня рождения наследника⁸.

XIX

Санкт-Петербург, 22 октября 1842 г.

<...> Думаю, это последняя надежная оказия для письма, и хочу воспользоваться ею, дабы рассказать тебе обо всем происходящем перед моими глазами. Как я уже писал, мне довелось увидеть здесь удивительные вещи, о которых во Франции не имеют ни малейшего представления. Все, что делается без участия общественного мнения, а лишь по воле одного человека, прекрасно организовано. Армия, школы, больницы приведены в образцовый порядок, и в них даже видна некоторая роскошь. Но так далеко не везде. Из всех институтов более других нуждаются в исправлении, на мой взгляд, суды. Среди тысяч прошений и жалоб, поданных императору во время вояжа, более трех четвертей касается правосудия. Бесполезно! Император не может читать все подряд, каждый вечер ему подают только общий экстракт, а судьба просителя определяется мнением докладчика, который чаще всего из-за усталости даже не дочитывает жалобу до конца. Однако при этом дело решается уже в последней инстанции, и хорошо еще, если сам жалобщик не становится жертвой продажности! Таково положение императора, который хочет непременно сам вникать в малейшие подробности всего, что происходит в его Империи, и чем больше страна стремится к цивилизации, тем более умножаются трудности, а изворотливость населения в обходе законов становится все изощреннее.

Путешествие мое началось только с Москвы. До Тулы природа везде одинакова, но затем по мере продвижения к югу

деревьев становится все меньше, и наконец, они почти совсем исчезают вплоть до самой Польши.

Вот список губерний, через которые мы проехали: Тульская, Орловская, Курская, Украина, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, кусочек Бессарабии (чтобы увидеть Бендеры⁹) и, наконец, Молдавия¹⁰; затем Подольская, Волынская, Великое герцогство Варшавское¹¹, Гродненская и снова Волынская. Ты можешь увидеть по карте, что это совсем немало. Я не стремился в Одессу, где для художника нет ничего интересного. Кажется, я уже писал, что у меня превосходная коляска о шести лошадях. Рядом со мной был Шарль, а на козлах другой слуга, знающий по-русски. Мой багаж состоял из чемоданов, запирающихся на ключ, и ящика с провизией, который открывался, когда мы останавливались на обед, поскольку у нас была всего одна еда в день. Император великий трезвенник; он ест только капустный суп с салом, мясо, немного дичи и рыбы, а также соленые огурчики. Пьет одну воду. Но я употреблял вино и приспособился ко всему весьма недурно. Когда мы останавливались на несколько дней, кухня была изысканнее: нам старались угодить стерлядью, дрофой, лосиной <...>. Поселяли нас походным порядком у обывателей, и было достаточно принадлежать к императорской свите, чтобы все ходили на головах. Мое имя везде известно, и знаменитый О. Берне становился предметом любопытства и домогательств со стороны еще остающихся здесь старых французских пленников. В большинстве это учителя или прежде бывшие ими; все они приходили с детьми и говорили: «Сударь, я считал вас куда полнее», или: «Вы представлялись мне выше ростом», так что я был вынужден показывать себя и в Великой, и в Малой России. Впрочем, мне не пристало жаловаться — почти всегда ко мне приставляли сопровождающего, который таскал меня везде, где только было на что посмотреть. Именно так я увидел поле Полтавской битвы, о котором уже писал тебе, и многое другое. Но в письме всего не опишешь.

Что касается императора, то его благосклонность ничуть не уменьшилась: он выказывает мне истинную привязанность. У нас были долгие разговоры, однако я не счел уместным затронуть главный вопрос, поскольку не проходило и дня, чтобы ему не докладывали о том, как ведет себя наш поверенный в делах с самыми высокопоставленными особами двора. Кроме того, всегда присутствовал кто-то еще, и у меня не было возможности говорить обо всем. <...>

XX

Сего 21 октября 1842 г.

<...> Императорская фамилия еще не в городе, и поэтому в свете пока нет приемов. Я часто остаюсь у себя. Догадайся, как у меня проходит время. Я купил грамматику Ноэля и зубрю причастия, но когда переходжу к подлежащим и дополнениям, мысли у меня разбегаются.

Мне все время хочется повторять тебе, насколько с каждым годом наши прежние чувства для меня дороже и дороже — это истинное сокровище души. Благодаря одинаковому возрасту кому-то из нас придется, хотя и недолго, страдать в одиночестве, бедная моя женушка. <...>

Что бы ты ни говорила, но мои чувства к императору совсем не таковы, как тебе кажется. Я отдаю ему справедливость — это человек необыкновенный, но все-таки еще далекий от совершенства. Он обладает всем, чтобы завоевывать сердца людей независимых; но когда у него есть хоть наималейшая власть, жестокость его такова, какой я еще не встречал ни у одного человека. Правда, для поддержания всеобщего повиновения он и не может вести себя иначе. Русские во всех слоях общества настолько склонны к беспечности, что их можно сдерживать только страхом. Если русский не дрожит от страха — это самый никчемный человек в свете. Здесь все устроено на военную ногу, начиная от кухонь и до верховного суда. Привычка постоянно изрекать приговоры (при сем обвиняемый должен всегда стоять навытяжку) сделала императора неприметно для него самого столь грубым, что это погубит его, когда внушаемый им ужас сменится безразличием и усталостью.

Все сии великолепные учреждения, о которых я писал тебе, нигде в таковом виде отнюдь не существуют. Казалось бы, они созданы ради общего блага. Но нет, образование для всей массы юношества совсем не помогает продвигаться — после обучения они должны оставаться в первоначальном своем состоянии, ни возвышаясь, ни опускаясь. Солдатские дети никогда не поднимутся вышеunter-офицеров. Так зачем же учить их и прививать им такие вкусы, кои они все равно не смогут удовлетворить? И уже появляются пагубные следствия подобного порядка вещей. Взбунтовалось целое военное поселение, — ни один офицер не уцелел, все были хладнокровно перерезаны. Солдаты, возглавляемые

унтер-офицерами, явились к своим начальникам и заявили: «Мы не держим на вас обиды, но вы обречены на смерть, кончайте свои дела, мы придем за вами», и они пришли. Должно быть, наказание было ужасно, поскольку об этом ничего не известно. Все эти полки расформированы¹². Вот, моя дорогая, как все устроено в России. Здесь трудятся, не заботясь об урожае. Прививают апельсины к елям и надеются на добрые плоды. Дворяне готовы отдать все свое состояние, лишь бы не попасть в Сибирь. Как я уже говорил, в этой стране зреет наррыв, который, несомненно, прорвется, и все, у кого нет бороды, будут изничтожены. Черт бы взял всех этих императоров с их путешествиями и всем прочим!

Не скрою от тебя, меня уже начинает одолевать скука: день так короток, что приходится тратить все остальное время на выезды в свет, а это не принадлежит к моим сильным сторонам. Но здесь нет никаких средств, чтобы дать пищу уму и сердцу.

Прощай, милый друг, душевно целую всех вас. Как я тебя люблю, бедная моя старушечка. У твоего старика при всем его молодом виде уже нет никаких иллюзий, а пока остаются еще физические силы, надобно позаботиться о будущем.

XXVIII

Сего 13 [13 февраля 1843 г.]

<...> Я уже немало узнал в армии и теперь хочу увидеть народ в рабском его состоянии.

Убежден, что император ни к чему так не стремится, как к освобождению крепостных, но при столь развращенных нравах это невозможно¹³. Жизнь крестьянина настолько противоположна моральным основам общества, что оные нельзя привить без полного перерождения обычаем, а как сделать это, если понятия чести не влияют на умы, которые озабочены лишь тем, чтобы трудиться как можно меньше? Для русских, от князя до мужика, совершенное счастье заключено в легкомыслии и безделье.

Несколько новых законов ограничивают ужасающие злоупотребления, каковые при отсутствии гражданского общества укоренились для пользы помещиков, чьи богатства зависят не от цены земли, но от числа принадлежащих им крестьян. Поэтому бывает и так, что отец семейства, дабы женщины не оставались без потомства, женит своего десяти-двенадцатилетнего сына

и самолично производит вместо него детей. Существует запрет на ранние браки, но сколько времени понадобится для того, чтобы он превозмог корысть и разврат? <...>

Только представь себе, каково ожесточение между господином и рабом, и можно ли уравнять в правах тех людей, которые сами не считают себя принадлежащими к той же расе. Лишь революция способна изменить установившийся здесь порядок вещей, но никто не знает, что будет тогда с сей огромной страной при столь различных языках, религиях и климатах. То ли мой нос столь чувствителен, то ли у меня навязчивая идея, но я не считаю для императора возможным при всех его моральных принципах посредством одной только армии (какая бы многочисленная и вымуштрованная до автоматизма она ни была) долго удерживать равновесие. Угроза революции подавляет наилучшие его намерения. Страх заставляет императора скрывать под упорядоченной внешностью всяческие уродства и безобразия. Но от сего они никаку не исчезают и сохраняются, пока будущее основано лишь на видимости силы и процветания! Я уже говорил, что все это кажется мне нарывом на теле цивилизации, который рано или поздно прорвется. Как только у армии откроются глаза, она увидит вокруг себя сорок миллионов бородачей, жаждущих завладеть землями, каковые они почитают своими, поелику сии земли имеют цену лишь благодаря крестьянам, работающим на них, и даже налог взимается не с земли, а с числа душ. Посему ни один из них не стремится выйти на свободу. Освободившись, крестьянин не получает ничего; в рабском же состоянии его можно продать только вместе с землей, дающей ему пропитание. <...>

Вот в какую сторону повернут нос императора. Он словно на гребне горы между двумя пропастями. Один неверный шаг, и падение неизбежно. На мой взгляд, лучше спуститься в ту или другую сторону, пока тебя не столкнули. Но, и я убежден в этом, дороги уже нет. Как только престиж грубой силы исчезнет, страна быстро выровняется, и понадобятся уступки с обеих сторон: дворян и крестьян. Буржуазии еще слишком мало, чтобы она оказывала какое-либо влияние. Этот класс не может покупать землю и ведет замкнутое существование, ограничиваясь избранием магистратов и уплатой налогов. Среди них есть даже миллионеры, но богатство, нажитое отцом (большей частью всякими плутнями), вскоре растрачивается сыном, который, не имея никакого положения в обществе, видит перед собой лишь путь пьянства

и разврата. Таким образом, есть только два класса, и они полностью разделены по своему положению, интересам и нравам. Они живут один за счет другого, но сей порядок не может сохраняться долгое время. Баланс слишком неравен. Уже сейчас помещики вынуждены к немальным пожертвованиям, дабы предотвратить бунты, грозящие при малейшем неурожае. Настанет день, когда для сего не хватит владельческих доходов, и крестьянам придется самим заботиться о себе.

Перечитал свою болтовню и ничего не понял. Сам-то я знаю, что хотел сказать, но это понятно только мне одному. Все-таки посылаю сие письмо. Сохрани его, оно пригодится для освежения памяти.

Не вдаюсь в дальнейшие подробности, поговорим обо всем после моего возвращения.

XXIX

*Санкт-Петербург, 12 февраля 1843 г.**

<...> Покидаю тебя до завтрашнего утра, милый друг, пора уже одеваться, чтобы ехать на бал к графу Воронцову¹⁴, где будет вся императорская фамилия. Часто я вспоминаю о том иерусалимском вечере, когда после ужина я писал тебе на монастырском столе. Тощий и утомленный, но глядя в Библию и на все окружающее, я набивал дорожный мешок, подобно муравью, запасающему себе пищу. Здесь же все наоборот, меня окружает пустота, которую приходится заполнять за свой счет. К счастью, это не относится к кошельку, и я привезу его округлившимся, не в пример моим щекам. Усиленная работа дает удовлетворение, и кажется, что вынужденный отдых не прошел для меня даром. Я чувствую в себе те же силы, что и двадцать лет назад. и в придачу к сему долгий опыт постоянного труда позволяет создавать большие вещи. Было бы желание, возможности к сему останутся у меня до конца жизни.

<...> Сейчас здесь празднуют масленицу и озабочены лишь тем, как бы переменить свою натуру в полном смысле сего слова.

* В соответствии с французской публикацией приведенные в этом письме даты совпадают с датами письма XXVIII. — *Прим. перев.*

Ах, русские дамы, у вас это неплохо получается! Маскарады возбуждают, и подобно арабским женщинам, прикрывающим лицо низом рубашки, ваши черные маски прячут напускную холдность. Развлекайтесь, мои красавицы, ведь уже близок Великий пост¹⁵, и тогда вам придется изображать из себя надменных гусынь!

Прелюбопытная вещь сииочные собрания, подобные парижским балам в нашей Опере. Они бывают дважды в неделю: в Большом театре* и в Дворянском собрании¹⁶. Заплатив одинаковую цену, входить может каждый, и здесь собираются одни и те же люди. Из-за военной музыки, от которой вдребезги рассыплется даже окаменевший череп, приходится говорить только на ухо друг другу, как при исповеди. Каждый представлен самому себе, от императора до последнего актеришке. Все проталкиваются сквозь толпу без почитания рангов и не снимая головных уборов. У офицеров поверх мундиров маленькие шелковые накидки из черного кружева. Для нас, французов, здесь самое странное то, что на каждом шагу можно встретить принцев императорской фамилии, развлекающихся как простые буржуа. Его Величество держится с удивительной грациозностью, и на него непрестанно нападает множество черных домино, чтобы сказать ему все, что им только взбредет в голову. Я не устаю восхищаться, видя самодержавного сего монарха, столь свободно общающегося со своими подданными, не то что конституционные короли, не осмеливающиеся показаться даже в окнах своего дворца из страха получить пулю в лоб. Признаюсь, таковые примеры переворачивают все понятия, и моя голова не столь глубокомысленна, дабы понять причину сего. Но сейчас не время философствовать. Речь идет лишь о факте, несомненно, единственном во всем свете.

Домашние балы сменяют друг друга. Один, у графини Воронцовой¹⁷, превзошел все остальные своим великолепием. За ужином на столе императрицы было выписанное из Англии блюдо ценою чуть не в миллион франков. Прислуживали более ста напудренных ливрейных лакеев. Рядом со всем этим Аполлонова зала у Лукулла не более чем вечерний чай г-жи Жибу. Невозможно выказать более роскоши, не нарушая при сем гармонию самого изысканного вкуса. Уверяю тебя, нигде еще я не видывал ничего подобного.

Вчера костюмированный бал у Демидова¹⁸. Был император и великие князья; из принцесс только супруга великого князя

Михаила с дочерьми¹⁹. Погода тоже весьма недурна. Множество напудренных дам. Только одна индийская кадриль своим мотивом походила на туземную музыку. Среди разнообразных костюмов выделялся некий африканский охотник с медным лицом, свирепым видом и своеобразной грацией. Ты узнала бы его — это был твой муж, отнюдь не возгордившийся своим успехом. Да, милая женушка, он произвел настоящий фурор, но не утратил ни простодушия, ни качества своей нации. В пятницу я буду на таком же балу во дворце, где появлюсь в образе завоевателя Константины, сиречь простого зуава. <...>²⁰

